

## **НАКОНЕЧНАЯ К. В.**

Национальный университет «Одесская юридическая академия»,  
аспирант кафедры права Европейского Союза и сравнительного правоведения

### **ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ В ОБЛАСТИ СУБСИДИРОВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРАВА МЕЖДУ ЕС И ВТО**

Вопрос о применении права является особенно важным, когда возникает конфликт двух правопорядков (международного и европейского), которые одновременно содержат нормы по регулированию в той или иной ситуации. Поэтому необходимо определить, какую роль играют нормы международного характера, в данном случае нормы права Всемирной торговой организации (далее ВТО) на уровне Европейского Союза и его государств-членов, могут ли они применяться в случае коллизии с европейскими или национальными нормами, и самое главное, — какое место в иерархии нормативно-правовых актов на уровне ЕС они занимают. Для изучения данного вопроса необходимо прежде всего обратиться к собственно нормативно-правовым актам двух вышеупомянутых организаций. Обращаясь к праву ВТО, согласно Ст. XVI абз. 4 Соглашения об учреждении Всемирной торговой организации (*Bereinkommen über die Errichtung der Welthandelsorganisation* v. 15.04.1994, *ABl. L 336*, 3) все члены этой организации должны обеспечивать соответствие их правовых предписаний праву ВТО. Это в свою очередь, однако, не означает, что право Всемирной торговой организации имеет прямое действие для всех её членов. В Европейском Союзе вопрос о непосредственном применении права ВТО является спорным. Ответа на него нет в положениях соглашений Всемирной торговой организации. Разъяснением вышеизложенному служит заключение комиссии ВТО (Panel) от 22 декабря 1999 (*United States-Section 301–310 of the Trade Act of 1974, Bericht des Panels vom 22.12.1999, Absatz 7.72, WT/DS152/R*), где устанавливается, что ни ГАТТ, ни другие документы ВТО не имеют «прямого эффекта». Исходя из данного разъяснения, ВТО сама по себе не создает напрямую нового правового порядка для своих членов. С учетом отсутствия конкретной нормы о применении права ВТО в её актах, члены ВТО сами должны решить данную проблему и определить возможность непосредственного применения права Всемирной торговой организации в своих национальных правовых системах. Примечательным является тот факт, что Совет Европейского Союза еще до заключения комиссии ВТО установил в своем решении от 22 декабря 1994 г. (*Beschluss 94/800/EG des Rates* v. 22.12.1994, *ABl. L 336*, 1), что «Соглашение об учреждении Всемирной торговой организации, включая все его приложения, не изложено так, что оно может непосредственно применяться судебными органами Сообщества и государств-членов».

В отношении двух вышеизложенных основных пунктов: обязательства членов ВТО по соблюдению предписаний ВТО с одной стороны и отсутствия прямого применения этих норм с другой стороны, — Суд Европейского Союза принял решение о непрямом применении этих норм. В своем первом решении, касающемся отношения к предшественнице ВТО — ГАТТ 1947 (EuGH, Rs.21 bis 24/72, *International Fruit Company*, Urteil vom 12.12.1972, S. 1219), суд отклонил возможность непосредственного применения положений ГАТТ 1947 г. Данное решение проявилось в последующих решениях Суда ЕС: C-280/93, C-469/93, C-149/96, C-307/99, C-27/00, C-76/00, C-93/02 и C-377/02. У правила отрицания непосредственного применения есть исключения. Так, Суд ЕС в своем следующем решении (EuGH, Rs.C-69/89, *Nakajita*, Urteil vom 7.05.1991, S. I-2178, Rn. 31.), важном по отношению к ГАТТ 1947 г., установил, что вторичное право Сообщества (в настоящее время вторичное право Европейского Союза) должно интерпретироваться в соответствии с правом ВТО. Исходя из этого, право ВТО находится между первичным и вторичным правом ЕС, что означает, что нормы первичного права не обязательно должны соответствовать праву ВТО. Основанием этому является исключительная компетенция ЕС в области политики торговли согласно ст. 207 Договора о функционировании ЕС. Предписания актов ВТО подпадают, таким образом, под компетенцию ЕС. В данном контексте нужно сказать, что только ЕС компетентен в отношении международных договоров в этой сфере, а это означает, что только Европейский Союз как член ВТО, а не его государства-члены может подписывать новые правовые положения ВТО. Далее, в качестве второго исключения относительно применения права ВТО следует назвать отсылку к данному праву, которую содержат сами нормы ЕС (EuGH, Rs.70/87, *Fediol*, Urteil vom 22.06.1989, S. 1830f, Rn. 19–22.). Таким образом, право ВТО непосредственно применяется в странах-членах ЕС в контексте прямого действия актов ЕС.

Более того, применение права ВТО необходимо отличать от действия обязательных решений Органа по разрешению споров ВТО (DSB). Здесь следует отметить, что они не связаны между собой. Примером этому служит имплементация Соглашения по субсидиям и компенсационным мерам с помощью так называемого Регламента против субсидий (*Verordnung (EG) des Rates Nr. 1515/2001 v. 23.07.2001, ABI. L 201,10*). Принятием этого регламента ЕС подтвердил прямое действие Соглашения ВТО по субсидиям и компенсационным мерам, что, в свою очередь, однако, не означает, что в области права субсидий решения Органа по разрешению споров также обладают прямым действием. В этом контексте следует обратить внимание на то, что в ст. 1 Регламента № 1515/2001 предусматривается, что Совет ЕС может отменить, изменить или заменить мероприятия, установленные данным Регламентом. Таким образом, Совету предоставляется широкое поле

действий, в котором он по своему мнению может пренебрегать решениями Органа ВТО по разрешению споров, однако соблюдая право ЕС.

В заключение, следует отметить, что когда регулирование той или иной ситуации предусмотрено двумя правовыми порядками - ВТО и ЕС — с абсолютно разными по своему содержанию нормами, — это порождает существенные практические проблемы. Представляется, что для их адекватного решения необходим постоянный мониторинг развития данных норм в актуальном контексте и, в первую очередь, — их толкования судебными органами ЕС и квазисудебными органами ВТО в каждом конкретном случае.

### **ПЕРЕВЕРЗА И. М.**

Национальный университет «Одесская юридическая академия»,  
аспирант кафедры права Европейского Союза и сравнительного правоведения

## **К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ МОДЕЛЕЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОПУСКА ИНОСТРАННЫХ АДВОКАТОВ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИНИМАЕМОГО ГОСУДАРСТВА**

В то время как правовая глобализация охватывает все стороны государственно-правовой действительности, институт адвокатуры развивается в соответствии с общемировыми глобализационными тенденциями. Современная практика указывает на то, что адвокаты имеют право осуществлять адвокатскую деятельность в нескольких юрисдикциях, чем активно пользуются. Однако, согласно нормам международного права требование любого государства о том, что адвокат должен являться гражданином соответствующей страны, не рассматривается как дискриминационное (Основные принципы, касающиеся роли юристов [Электронный ресурс]. — [http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995\\_313](http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_313)).

Анализируя законодательство иностранных государств можно прийти к выводу, что в зависимости от характера правового регулирования допуска иностранных адвокатов к деятельности на территории принимаемого государства функционируют изоляционная, ограниченная и свободная модели.

*Изоляционная модель* запрещает участие иностранных адвокатов в предоставлении правовой помощи на территории принимаемого государства. Такая модель функционирует в Республике Узбекистан, согласно ст. 3 Закона «Об адвокатуре» 1996 г. адвокатом может быть только гражданин Республики Узбекистан. До недавних пор такая практика была и в Украине.